

КЛАДИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ЭТИМОЛОГИИ

А.А. Поздняков

Аннотация. Описывается кладиристический метод, включающий формализованные методы анализа, основанные на поляризации состояний признаков на примитивные (исходные) и производные. Согласно предлагаемой методике анализу подлежит когната – совокупность родственных слов, имеющих общее этимологическое происхождение, причем из этой совокупности выбираются лексемы с одним и тем же значением. Фонемы, занимающие одно и то же положение в лексеме, рассматриваются как состояния одного признака. Регулярные или нерегулярные фонетические соответствия между фонемами обуславливают их гомологичность. В выбранной паре гомологичных фонем в соответствии с критериями архаичности определяется, какая фонема будет архаичной, а какая – инновацией. Предлагаются следующие критерии архаичности фонем. Во-первых, согласно критерию исторического предшествования, архаичной будет фонема, встречающаяся в исторически более ранних лексемах. Во-вторых, согласно критерию изолированного положения, архаичной будет фонема, распространенная в изолированной области. В-третьих, согласно критерию периферийного положения, архаичной будет фонема, встречающаяся на периферии языкового ареала. В-четвертых, согласно критерию иноязычного окружения, архаичной будет фонема, встречающаяся в социуме, переселившемся на территорию с населением, говорящем на другом языке. Применение предлагаемой методики иллюстрируется анализом индоевропейских названий волка.

Ключевые слова: этимология; кладиристический метод; критерии архаичности.

Введение

Лингвистика и биология оказывают взаимное влияние друг на друга, обнаруживаются определенные концептуальные параллели между эволюционной биологией и исторической лингвистикой [1. Р. 514]. Так, А. Шлейхер после публикации «Происхождение видов» Ч. Дарвина использовал некоторые биологические идеи в лингвистике. Он сопоставил языки с биологическими видами, а диалекты – с расами. По аналогии с дарвиновской схемой дивергенции А. Шлейхер постулировал, что современные языки происходят из праязыка (Ursprache) путем постепенного изменения лексики и грамматики, и построил генеалогическую схему «индогерманских» языков [2].

В последнее время проводятся разнообразные параллели в описании родственных отношений между биологическими видами и генетических связей между языками. Например, «вертикальное» и «горизонтальное» описания биологического вида сопоставляются с диахронным

и синхронным подходами в изучении языка [3. Р. 179]. Описаны такие параллели между видами и языками, как географическая изменчивость, изменчивость во времени (анагенетическая), ветвление [Ibid. Р. 187]. Находят лингвистические аналогии горизонтальному переносу генов и гибридизации [1. Р. 513], селективному механизму изменения форм [4. Р. 254] и другим биологическим явлениям [5–7]. Параллели обнаруживаются и в структуре классификации видов и языков. Так, виды объединяются в роды, семейства, отряды, классы, типы. Также и языки объединяются в группы, ветви, семьи.

Лингвистическая компаративистика в XIX в. достигла значительных успехов. Ее главным результатом следует считать генетическую классификацию языков, в которой базовой концепцией является концепция праязыка. Из-за незначительного количества древних текстов реконструкция лексики, грамматики, фонетики большинства праязыков производится сравнительно-историческим методом, поэтому, за редчайшим исключением, праязыки имеют гипотетический характер. В биологии на первом этапе развития филогенетики, начиная с работ Э. Геккеля, общий предок также реконструировался. Позже в качестве общих предков стали рассматривать вымершие таксоны, в которых сочетались черты родственных групп. Однако дальнейшие исследования показали, что большинство вымерших таксонов, рассматривавшихся в качестве предковых, следует анализировать в качестве тупиковых ветвей, не давших потомков.

В последней трети XX в. в кладистике, как новейшей форме развития филогенетики, концепция общего предка стала рассматриваться как неконструктивная, т.е. было признано, что предполагаемые предковые формы, реконструированные тем или иным способом, не могут быть отождествлены с формами, обнаруживаемыми в ископаемом состоянии [8. Р. 311]. Соответствующие коррективы были внесены в методику построения филогенетических деревьев, в которых все формы, в том числе и ископаемые, стали занимать терминальные (верхушечные) положения.

Надо сказать, что в лексикостатистике родственные отношения между современными языками устанавливаются на основании процентного содержания общих слов, взятых из списка основной лексики, в качестве которого чаще всего используют список М. Сводеша [9]. В глоттохронологии на основе количества замен родственных слов неродственными при предположении постоянной скорости распада лексики (эволюции языка) производится расчет времени расщепления языков [10–12]. В лексикостатистических исследованиях в последнее время используются и кладистические методы, с помощью которых, в частности, обосновывается существование балто-славяно-индо-иранской клады [13. Р. 126]. Самое главное, что в лексикоста-

тистических и глоттохронологических методиках не используется концепция праязыка.

В ранней версии филогенетики на основании дарвиновской концепции дивергенции предполагалось, что признаки, имеющие разные состояния у современных родственных форм, образовались из предкового состояния, обладавшего «промежуточными» чертами. Эта концепция позволяла легко вывести производные формы из такого гипотетического состояния путем редукции одних особенностей и усиления других. Однако формы, обладавшие, согласно реконструкциям, такими промежуточными или средними состояниями признаков, в палеонтологической летописи обнаружены не были. В кладистике отказались от этой методики реконструкции промежуточных признаков. Было признано, что необходимо включать в анализ только реально зафиксированные состояния признаков и исключить из него гипотетические реконструированные состояния. Соответственно, было принято, что признаки не происходят путем дивергенции из гипотетического промежуточного состояния.

В этимологии до сих пор этимон выявляется путем реконструкции: «Архетип (от греч. *archéturon* – прообраз) (праформа, прототип) – в сравнительно-историческом языкознании исходная для последующих образований языковая форма, реконструируемая на основе закономерных соответствий в родственных языках. А[рхетип] представляет собой теоретически вероятную форму, выводимую путем сопоставления реально засвидетельствованных структурных элементов ряда языков и является репрезентантом праязыкового состояния семьи или группы родств. языков» [14. С. 47]. В данном случае важнейшее значение имеет то, что праформа – это *теоретически вероятная форма*, т.е. может быть, что реконструированная форма вообще никогда не существовала. Также важно, что этимологизация имеет иерархический характер. Например, слова праславянского языка рассматриваются в качестве праформ для русского и других славянских языков. Для слов праславянского и других родственных праязыков праформами будут слова праиндоевропейского языка.

Существующие реконструкции индоевропейских праформ, т.е. теоретически вероятных форм, часто носят совершенно фантастический характер, как и их семантическая интерпретация. Например, в качестве праформы индоевропейских названий лисы даются сложные конструкции типа **h₂leupēk-o-* [15. S. 483] или **u₁lop^[h]ek^[h]-ā* [16. С. 513], семантически интерпретируемые как сложение **uel-*, первоначально означавшего ‘раздирать добычу; убивать’, и **p^[h]ek^[h]u-* ‘скот’ с предполагаемым первичным значением ‘губитель скота’ [Там же]. Однако эта семантическая интерпретация нереальна, так как лиса – небольшой хищник, питающийся, главным образом, мышевидными грызунами, и «губить скот» она не в состоянии.

В качестве другого примера следует указать на реконструкцию праформы славянских названий полчка. Его названия возводят к индоевропейской праформе **p_olk-so-s* или **pol-ko-*. От второго варианта производят праславянскую праформу **pelsъ(jь)*, которая реконструируется с тем учетом, чтобы к этой когнате отнести и рус. *пелёсый* [17. S. 511]. Такая реконструкция праславянской праформы вполне логична в русле версии происхождения названия полчка от прилагательного, обозначающего цвет. Однако в эту когнату включают различные цветообозначения: рус. *пелёсый* ‘пятнистый’, лит. *pilkas* ‘серый’, греч. *πελιός* ‘темно-синий’, *πολιός* ‘серый’, лат. *pullus* ‘черноватый’, *pallidus* ‘бледный’, др.-инд. *palitās* ‘серый’, др.-в.-нем. *falo* ‘бледный’, галл. *llwg* ‘бледный’ и др. [18. С. 34; 19. S. 804–805; 20. С. 229–230]. Само разнообразие форм и значений показывает, что не все формы могут быть родственными. Уже Р. Траутман разделил их на две отдельные группы [21. S. 205, 212]. Учитывая невероятность во времена индоевропейской общности самостоятельного возникновения слов, обозначающих качество, вне связи с предметами, которым оно свойственно, следует предположить происхождение перечисленных цветообозначений от разных предметов.

Таким образом, вполне очевидно, что реконструкция вышеуказанных индоевропейской и праславянской праформ этого слова в контексте версии происхождения названия зверька от цветообозначения, в которой есть основания сомневаться, создает замкнутый круг аргументации и не позволяет найти верную этимологию.

Итак, как показывают примеры, реконструированные праформы вряд ли могли существовать реально. Эти реконструкции сделаны на методологических основаниях, в которых соответствие фонетическим законам принимается как ведущий критерий, причем семантической невозможностью реконструкций пренебрегается [22. С. 96]. Поэтому имеет смысл для поиска основы, которую следует этимологизировать, применить иной методологический прием. В первую очередь, следует попробовать анализировать только зафиксированные слова, т.е. попытаться применить в этимологии кладистический метод.

Методика

Сначала следует дать краткое описание кладистической терминологии, касающейся анализа морфологических признаков. В основе понятийного аппарата лежит понятие *признака*, в общем определяемое как совокупность состояний *морфологической структуры*, анализируемой в некотором выбранном аспекте. *Состояния* (модусы) признака характеризуют особенности морфологической структуры в означенном аспекте. В качестве иллюстрации приведем следующий пример. Лист

растения – это морфологическая структура. В качестве признаков могут рассматриваться: 1) форма листа; 2) длина листа; 3) окраска листа; 4) форма края листа. В качестве модусов могут рассматриваться: 1) линейный, ланцетный, овальный, округлый; 2) конкретное значение длины листа в миллиметрах или других метрических единицах; 3) светло-зеленый, темно-зеленый, сизый; 4) зубчатая, пильчатая, городчатая.

Корректно выделенные модусы данного признака следует рассматривать как *гомологичные*. Если между модусами задать отношение, то мы получим *неориентированный граф*, или *трансформационную серию*. Если задать направление в отношениях между модусами, то мы получим *ориентированный граф*, или *поляризованную трансформационную серию*.

Поляризация производится на основе определения *исходного* и *производного* состояний модусов. Здесь очень важно учитывать один момент. Так, одно и то же производное состояние независимо друг от друга может возникать в разных таксонах. Таким образом, каждый случай такого производного состояния оказывается генетически несвязанным с другими случаями. Такой отдельный случай производного состояния обозначается как *апоморфия*, которая противопоставляется *плезиоморфии* как исходному состоянию. Таким образом, одному и тому же производному состоянию может соответствовать несколько одинаковых в морфологическом выражении апоморфий. Определив направления в отношениях между всеми модусами данного признака, в итоге мы получим реконструкцию сегогенеза этого признака.

Методы определения направления поляризации обсуждались во многих работах, причем имеется достаточно полный список таких методов [23]. Однако в настоящее время в кладистике практически применяется только один метод – метод внегруппового сравнения (метод внешней группы). Также выбор направления поляризации зависит от некоторых априори принимаемых утверждений. В частности, кладистические расчеты основываются на предположении о необратимости эволюции, хотя реверсии учитываются в некоторых филогенетических компьютерных программах.

Перевод кладистических понятий в лингвистические связан с определенными терминологическими трудностями. Так, понятию морфологической структуры нельзя поставить в соответствие никакое существующее лингвистическое понятие. Впрочем, в таком понятии нет необходимости. Пожалуй, наиболее общие понятия биологической морфологии и лингвистики, соответствующие друг другу, это *орган* – морфологическая структура, наделенная определенной функцией, и *семантическое поле* (semantic class) – совокупность слов, объединенных одним общим семантическим признаком. Семантическое поле, как правило, включает слова, имеющие разную этимологию, т.е. оно включает не-

сколько *когнат*. По сути, в лексикостатистике анализируется последовательность появления слов, имеющих одно значение, но разные этимологии, т.е. делается анализ последовательности появления разных когнат.

Однако в случае анализа слов в рамках одной когнаты требуются иные методы. Основная задача здесь – определить относительную последовательность появления слов в рамках когнаты. Вполне очевидно, что установление трансформационной серии возможно при определенных предпосылках. Так, в историческом отношении все зафиксированные лексемы одной когнаты должны рассматриваться как происходящие от единственной исходной лексемы. Это происхождение можно трактовать двумя способами. В первом случае предполагается, что все родственные слова независимо и параллельно происходят от исходной праформы. Существующий этимологический анализ неявно основывается именно на этой гипотезе. Во втором случае предполагается, что модификация праформы имеет ступенчатый характер, причем «промежуточные» лексемы могут как выйти из употребления, так и употребляться в настоящее время. Таким образом, все родственные слова имеют разный «возраст» своего употребления. Соответственно, необходимо выработать методiku, позволяющую установить исходность и производность лексем в данной паре. Следует заметить, что *исходность* и *производность* в кладистических терминах – это *плезиоморфность* и *апоморфность*. В лингвистике были предложены аналогичные термины: *архаичность* (консервативность) и *инновационность* [24. С. 119], которые мы будем использовать далее.

Это утверждение не следует понимать буквально, т.е. так, что в данной паре производная лексема напрямую (в генетическом смысле) происходит из исходной. Например, если в паре, включающей албанскую и греческую лексемы, греческая интерпретируется как производная, то это не следует трактовать прямо, что греческая лексема происходит из албанской. Так как до нас в зафиксированном виде дошла небольшая доля слов, бывших в употреблении, то отношения между этими лексемами следует понимать так, что исходная лексема имела хождение в каком-то древнем социуме. Она сохранилась в части социума, язык которого со временем трансформировался в албанский, но модифицировалась в части социума, язык которого со временем трансформировался в греческий. Предлагаемая методика имеет технический характер, поскольку лексика очень многих обществ, оставивших свой след в археологических памятниках, до нас не дошла. Напрямую оценить время появления той или иной лексемы невозможно, однако в перспективе вполне возможна разработка методов установления корреляции последовательности появления лексем с временной шкалой.

Искомым результатом определения поляризации когнаты является исходная, наиболее ранняя лексема в группе зафиксированных слов.

Именно эта лексема должна этимологизироваться. Очевидно, что она является исходной лишь в группе зафиксированных слов, т.е. это не значит, что она является исходной в абсолютном смысле. Такое можно утверждать лишь при предположении, что язык имеет искусственное происхождение. Поэтому любая этимологическая интерпретация имеет относительный характер.

Итак, общую схему методики этимологического анализа можно описать в следующем виде. Исходным материалом для анализа является *когната* – совокупность родственных слов, имеющих общее этимологическое происхождение. Точнее, для наших целей следует ограничиться совокупностью родственных слов, имеющих одно значение. В качестве примера далее будут использованы индоевропейские названия волка [25]. *Фонемы* следует рассматривать в качестве признаков. Для установления исходной лексемы можно ограничиться анализом согласных. Так, *volk, varg, gorg, bireg* имеют три согласных звука, соответственно, три признака. Состояния этих признаков следует рассматривать как *гомологичные*, т.е. обусловленные регулярными фонетическими соответствиями.

Выявление гомологии фонем способствует установлению состава когнаты. Например, фонемы *k* и *p* в словах *volk* и *vulpes* нельзя считать гомологичными, поскольку *k* не связано звуковым соответствием с *p*. Таким образом, эти лексемы принадлежат разным когнатам.

Фонетические соответствия не дают прямой информации ни о направлении изменений, т.е. какая фонема является исходной, а какая – производной, ни об их относительной хронологии. Эту информацию могут предоставить не лингвистические материалы, а иные данные, происходящие из внешних источников. Можно предложить несколько критериев, на основании которых определяются архаичность – инновационность фонем. Вполне очевидно, что предпосылкой предлагаемых критериев является утверждение о различных скоростях изменения языка.

Критерий исторического предшествования: если две лексемы встречаются в текстах, датируемых разным временем, причем предполагается историческая преемственность в отношении языков, на которых написаны тексты, то фонемы более древней лексемы являются архаичными по отношению к гомологичным фонемам более поздней лексемы. Этот критерий соответствует критерию стратиграфического (геологического) предшествования в кладистике [26. Р. 95], и с его помощью можно напрямую определить направление / поляризацию (исходность – производность) фонем.

Следующие критерии являются географическими и имеют относительный характер. Так как различные слова употребляются в одно и то же время на разных территориях, то исходность фонемы может быть определена с той или иной степенью вероятности. Эти критерии были

предложены М. Бартоли [27], причем в приводимых им примерах, как правило, фигурируют лексемы разных когнат. У нас нет никаких оснований отрицать справедливость нижеперечисленных критериев по отношению к словам одной когнаты.

Критерий изолированного положения: из двух гомологичных фонем архаичной будет фонема лексемы, распространенной в более изолированной области. Консервативный характер имеют лексемы, распространенные на островах, по сравнению с континентами, в горах – по сравнению с равнинами, на периферии – по сравнению с центральными районами [Ibid. P. 4].

Критерий периферийного положения: из двух гомологичных фонем архаичной будет фонема лексемы, распространенной на периферии. По сути, этот критерий надо рассматривать как частный случай предыдущего критерия. М. Бартоли, видимо, в предыдущем критерии делал акцент на наличии выраженных географических границ. В настоящем случае выраженные географические границы должны отсутствовать [Ibid. P. 7].

Критерий иноязычного окружения: из двух гомологичных фонем архаичной будет фонема лексемы, распространенной в колонизированной области, по сравнению с фонемой, распространенной в метрополии. Как заметил М. Бартоли, этот критерий справедлив для части случаев [Ibid. P. 13].

На основании перечисленных географических критериев можно сделать вывод, что инновации возникают в центральной области языкового ареала, причем, чем позже они возникают, тем меньшее количество языков они захватывают.

Теперь изложенную методику проиллюстрируем на примере названий волка. Так, первый согласный имеет три состояния: *v*, *g* и *b*. Лексемы с начальным *g* встречаются в среднеперсидском и некоторых новоиранских языках, тогда как в авестийском и многих новоиранских языках зафиксированы лексемы с начальным *v* [25. С. 88]. В этом случае применим критерий исторического предшествования, в соответствии с которым следует считать, что *v* является архаичной фонемой по отношению к *g*.

Лексемы с начальным *b* встречаются в рус. *бирюк*, блр. *бірук*, хот.-сак. *birgga*- и осет. *bīræġ*, *beræġ* языках. Этимологи не выработали единую точку зрения на происхождение перечисленных названий. Так, хот.-сак. *birgga*- включается в группу иранских названий волка без какого-либо объяснения [28. P. 289]. Осет. *bīræġ* сближается с некоторыми волжско-финскими названиями, но предполагается первоначальная связь волжско-финских и севернотюркских названий с иранским названием волка [29. С. 263]. Предполагается, что блр. *бірук* заимствовано из рус. *бирюк*, а рус. название – из тюркских языков [30. С. 199–200]. Однако само тюркское название волка не находит этимологии на тюрк-

ской почве и считается наиболее вероятным ее заимствование из иранских языков [31. С. 221].

Согласно описываемой здесь методике, хотаносакские и осетинские названия находятся на периферии ареала иранских языков, что говорит об их архаичности. К славянским названиям нельзя применить ни один критерий. Также нельзя сказать, что они являются инновацией по отношению к *volk*. Можно только предположить, что они представляют собой либо сохранившуюся древнюю лексему, либо заимствование из иранских языков. Таким образом, для установления архаичности или инновационности фонемы *b* нам не хватает фактических данных.

Второй согласный имеет четыре состояния. Лексемы со лабиовелярным аппроксимантом зафиксированы в укр. *вовк*, блр. *воўк*, ятвяж. *wulks* языках и в диалектах пол. *welk*, *wolk* и кашуб. *velk*, *velk* языков. Лексема с палатальным аппроксимантом *ujk* зафиксирована в алб. языке.

Перечисленные лексемы с аппроксимантами не составляют проблемы с определением архаичности. Это новообразования, встречающиеся в отдельных языках и представляющие собой инновации по отношению к архаичной фонеме *l*.

Проблему представляет пара фонем *r* – *l*. Согласно младограмматической версии в индоевропейском праязыке были обе эти фонемы, которые остались дифференцированными в армянском и европейских языках, но в индоарийских и иранских языках в момент их единства слились в *r* [32. S. 423]. Руководствуясь этой точкой зрения, этимологи возводят индоевропейские названия волка к праформе **ulq^hos*, рассматриваемой как производное от **uel-* ‘рвать’, с первоначальным значением ‘рвущий, растерзывающий (зверь)’ [33. S. 1252; 34. С. 148; 35. P. 877]. Таким образом, в рамках этой версии предполагается архаичность фонемы *l*.

Согласно другой версии, *r* и *l* в праиндоевропейском языке являлись вариантами одной фонемы [36. S. 131]. К этому выводу Ш. Ондруш пришел, анализируя распределение фонем *r* и *l* в лексемах многих европейских языков, которое показало спорадический, а не регулярный характер изменения данных фонем. Согласно иллюстративному материалу, приводимому Ш. Ондрушем, такие нерегулярности встречаются в греческом, славянских, балтийских языках, а также о вариативности этих фонем можно говорить, сравнивая лексемы из языков данных групп со словами из латинского и немецкого языков. Основываясь на этих данных, он сделал вывод, что возникновение иррегулярности *r/l* восходит к праиндоевропейскому состоянию [36]. Таким образом, в контексте данной версии вообще нельзя ставить вопрос об архаичности одной из этих фонем.

Итак, названия волка с фонемой *r* встречаются в индоарийских, иранских и скандинавских языках. Согласно описываемой здесь методике, именно эта фонема должна рассматриваться как архаичная.

Во-первых, индоарийские, иранские и скандинавские языки в настоящее время располагаются на периферии ареала индоевропейской языковой семьи. Согласно критерию периферийного положения, фонема *r* должна рассматриваться как архаичная.

Во-вторых, в историческом отношении предки народов, ныне говорящих на индоарийских языках, мигрировали на территорию севера Индийского субконтинента во втором тысячелетии до нашей эры и оказались в иноязычном окружении. В данном случае применим критерий иноязычного окружения, также говорящий в пользу архаичности фонемы *r*.

В-третьих, в микенском силлабрии отсутствовали знаки для слогов с *l*. Этот факт, конечно, можно объяснять чуждым правописанием или смешением *l* и *r* в произношении [37. С. 91]. Однако чуждое правописание не помешало в более поздний кипрский силлабарий ввести знаки для слогов с *l* [38. С. 201]. Сделав большую выдержку из «Греческой грамматики» Г. Мейера, С.Я. Лурье подчеркнул, что «в различных греческих диалектах замечается в одних и тех же корнях разная трактовка этих звуков: где в одних диалектах *l*, там в других *r*» [37. С. 89–90]. Однако данный факт указывает, скорее всего, не на смешение этих звуков, как это интерпретировал С.Я. Лурье, а в соответствии с версией Ш. Ондруша – на иррегулярность фонем *r/l* в диалектах греческого языка.

В пользу индоиранского ротацизма нет никаких реальных исторических данных. Это *гипотетическое утверждение*. Согласно имеющимся реальным данным, «в известных нам по памятникам древнеиранских языках, авестийском и древнеперсидском, фонема *l* отсутствовала. Авестийский алфавит не имеет знака для *l*, а в древнеперсидской клинописи он введен лишь для нескольких чужих имен и географических названий: *Haldita, Labanāna, Dubāla, Izalā*» [39. С. 36]. Итак, в исконной лексике древнеиранских языков фонема *l* отсутствовала. Знак для отражения этой фонемы появляется в древнеперсидском языке в середине первого тысячелетия до нашей эры. В скифском языке эта фонема появляется не позднее V в. до н. э. [39. С. 40]. В греческом языке (кипрское письмо) появление этой фонемы можно датировать VIII в. до н. э. Таким образом, по имеющимся реальным данным, фонема *l* появляется в индоевропейских языках во второй половине первого тысячелетия до нашей эры, причем ее распространение вплоть до настоящего времени носит нерегулярный характер.

В случае третьего согласного сначала следует указать на исторические чередования: *k – ě* в славянских языках: рус. *волк – волчица*, блр. *воўк – ваўчыца*, укр. *вовк – вовчиця*, чеш. *vlk – vlčice*, слов. *vlk – vlčica*, болг. *вълк – вълчица*, серб. *вук – вучица*, хорв. *vuk – vučica*, слов. *volk – volčica*, и *k – c* в лтш. *vilks – vilcene*. За исключением указанных чередований, третий согласный имеет пять состояний: *g, k, ĵ, γ* и *x*. Лексема со звонкой постальвеолярной аффрикатой зафиксирована в некоторых па-

мирских языках: шугнан., руш.-хуф., бартанг. *wurj*. Это новообразование, встречающееся в близких языках и представляющее собой инновацию по отношению к архаичной фонеме *g* или *k*. Звонкий велярный спирант зафиксирован в мунджан. *wury*, *wəry*, а в языке йидга зафиксированы как звонкий *wury*, так и глухой *wurx* велярные спиранты при наличии лексемы со звонким велярным взрывным *wərg*. Очевидно, это инновации по отношению к архаичной фонеме *g*.

Основную проблему составляет определение полярности в паре фонем *g* и *k*. Фонема *g* встречается в иранских и скандинавских языках, причем в скандинавских языках зафиксирована только эта фонема, а в некоторых иранских языках встречаются лексемы как с одной, так и с другой фонемой: семнани *vārk*, *varg*; ягноб. *urk*, *urg*. В таком случае, согласно критерию периферийного положения, фонему *g* следует считать архаичной. Однако поскольку в авестийском языке зафиксирована фонема *k*, то согласно критерию исторического предшествования, именно эта фонема должна рассматриваться как архаичная. Таким образом, разные критерии приводят к противоположным выводам. Но если принять архаичность фонемы *k*, то в таком случае получается, что фонема *g* возникла независимо в иранских и скандинавских языках, т.е. она представляет собой две различные апоморфии.

В таком случае, если на основе этих данных построить трансформационные серии, то вариант с архаичной фонемой *k* будет включать один дополнительный шаг, поэтому согласно принципу парсимонии, следует предпочесть схему, в которой архаичной фонемой будет *g*.

Для полноты картины следует указать, что зафиксированы лексемы с выпадением согласных: первого в алб. (*ujk*), греч. (*λύκος*), ягноб. (*urk*, *urg*) языках и диалектах лтш. (*ulks*) языка; второго в полаб. (*vuk*), серб. (*вук*), хорв. (*vuk*), талыш. (*vag*) языках и диалектах болг. (*вък*, *вук*) языка; третьего в кохруди (*war*) и курд. (*gur*) языках. Такие лексемы представляют собой инновации по отношению к лексемам с полным составом согласных.

Следует также указать, что в отдельных языках, особенно иранских, встречаются и некоторые другие согласные. Такие случаи не представляют проблемы при определении архаичности фонем, так как в случае анализируемой когнаты основная проблема заключается в определении поляризации второго и третьего согласных: *r – l* и *g – k*. Однако если нам необходимо только выявить основу, которая будет этимологизироваться, то конечный согласный неважен, так как в любом случае получается основа *var-*.

Заключение

Необходимо заметить, что многие существующие этимологические реконструкции в значительной степени основаны на интуиции и

носят гипотетический характер. Поскольку уже давно указывается на методологический застой в этимологических исследованиях [40. С. 566], то явно назрела необходимость в новых идеях [41. С. 15]. Предлагаемый метод позволяет формализовать процедуру нахождения этимологизируемой основы, соответственно, уменьшить гипотетичность реконструкций. Также метод нуждается в дальнейшем совершенствовании. В частности, необходима выработка критериев, позволяющих различать инновации и заимствования.

Литература

1. *Atkinson Q.D., Gray R.D.* Curious parallels and curious connections – phylogenetic thinking in biology and historical linguistics // *Systematic Biology*. 2005. Vol. 54. P. 513–526.
2. *Schleicher A.* Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft. Weimar : H. Böhlau, 1863. 29 s.
3. *Stamos D.N.* Species, languages, and horizontal/vertical distinction // *Biology and Philosophy*. 2002. Vol. 17. P. 171–198.
4. *Wedel A.B.* Exemplar models, evolution and language change // *Linguistic Review*. 2006. Vol. 23. P. 247–274.
5. *Krupa V.* Genetika a lingvistika // *Jazykovedný časopis*. 1995. Vol. 46. P. 65–73.
6. *Jenkins L.* *Biolinguistics: Exploring the biology of language*. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 264 p.
7. *Oudeyer P.-Y., Kaplan F.* Language evolution as a Darwinian process: computational studies // *Cognitive Processing*. 2007. Vol. 8. P. 21–35.
8. *Nelson G.* «Monophyly again?» – a reply to P. D. Ashlock // *Systematic Zoology*. 1973. Vol. 22. P. 310–312.
9. *Swadesh M.* Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts: with special reference to North American Indians and Eskimos // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1952. Vol. 96. P. 452–463.
10. *Atkinson Q.D., Nicholls G., Welch D., Gray R.D.* From words to dates: water into wine, mathematic or phylogenetic inference? // *Transactions of the Philological Society*. 2005. Vol. 103, № 2. P. 193–219.
11. *Starostin G.* Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach // *Journal of Language Relationship*. 2010. Vol. 3. P. 79–116.
12. *Turchin P., Peiros I., Gell-Mann M.* Analyzing genetic connections between languages by matching consonant classes // *Journal of Language Relationship*. 2010. Vol. 3. P. 117–126.
13. *Rexová K., Frynta D., Zrzavý J.* Cladistic analysis of languages: Indo-European classification based on lexicostatistical data // *Cladistics*. 2003. Vol. 19. P. 120–127.
14. *Нерознак В.П.* Архетип // *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 47.
15. *Mayrhofer M.* *Etymologisches Wörterbuch des Altindoeuropäischen*. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1996. Bd. 2. 837 s.
16. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Т. 2. С. 429–1328.
17. *Gluhak A.* *Hrvatski etimološki rječnik*. Zagreb : August Cesarec, 1993. 832 s.
18. *Преображенский А.Г.* *Этимологический словарь русского языка*. М. : Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1910–1914. Т. 2. 416 с.
19. *Pokorny J.* *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, München : Francke Verlag, 1959. Bd. 3. S. 771–1183.

20. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. 831 с.
21. **Trautmann R.** Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen : Vandenhoeck and Ruprecht, 1923. 382 S.
22. **Колева-Златева Ж.** Размышления о парадоксах этимологии // Slavica. Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. 2012. Bd. 41. P. 95–105.
23. **De Jong R.** Some tools for evolutionary and phylogenetic studies // Zeitschrift für Zoologische Systematik und Evolutionsforschung. 1980. Bd. 18. S. 1–23.
24. **Мажюлис В.** Социолингвистические заметки к архаичному характеру языка (балтийские языки) // Baltistica. 1974. Vol. 10. P. 119–127.
25. **Поздняков А.А.** К происхождению названий волка в индоевропейских языках // Acta linguistica. 2013. Vol. 7, № 1. P. 87–97.
26. **Hennig W.** Phylogenetic systematics. Urbana: University of Illinois Press, 1966. 263 p.
27. **Bartoli M.** Introduzione alla neolinguistica: Principi, scopi, metodi. Genève : Leo S. Olschki, 1925. 109 p.
28. **Bailey H.W.** Dictionary of Khotan Saka. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 559 p.
29. **Абаев В.И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 655 с.
30. **Аникин А.Е.** Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Вып. 3. 344 с.
31. **Севортян Э.В.** Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М. : Наука, 1978. 349 с.
32. **Brugmann K., Delbrück B.** Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg : Karl J. Trübner, 1897. Bd. 1. 622 s.
33. **Fraenkel E.** Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1965. Bd. 2. S. 657–1560.
34. Этимологический словарь русского языка. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. Вып. 3. 283 с.
35. **Beekes R.** Etymological dictionary of Greek. Leiden, Boston : Brill, 2010. Vol. 1. 885 p.
36. **Ondruš Š.** Striedanie likvid *r/l* v indoeurópskych jazykoch // Jazykovedný časopis. 1959. Vol. 10. P. 112–137.
37. **Лурье С.Я.** Язык и культура микенской Греции. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. 402 с.
38. **Дирингер Д.** Алфавит. М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. 656 с.
39. **Абаев В.И.** Скифо-европейские изоглоссы. М. : Наука, 1965. 168 с.
40. **Абаев В.И.** Избранные труды. Владикавказ: Ир, 1995. Т. 2. 724 с.
41. **Колева-Златева Ж.** Теоретични ракурси в этимологията. Велико-Тырново : Фабер, 2011. 171 с.

Сведения об авторе:

Поздняков Александр Александрович, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института систематики и экологии животных СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: pozdneyakov@eco.nsc.ru

Поступила в редакцию 27 февраля 2017 г.

THE CLADISTIC METHOD IN ETYMOLOGY

Pozdneyakov A.A., Ph.D., senior researcher, Institute of Systematics and Ecology of Animals, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: pozdneyakov@eco.nsc.ru

Abstract. The article describes the cladistic method, with which archaic lexeme can be identified from the set of fixed lexemes. The method aims to reduce fallacies of etymological researches, in which reconstructing a hypothetical protoform is still the first task. And the protoform is subject to etymologization. According to the proposed method the cognates with the same meaning are analyzed. Phonemes, occupying the same position in the lexeme, are considered to be homologous state of the feature. In accordance with the criteria of archaism there are detection of archaic phoneme and innovations. The four criteria of archaism are proposed: a historical precedence, an isolated position, a peripheral position, and foreign language surroundings. Application of the proposed method is illustrated by an analysis of the Indo-European wolf names. As analyzed features only the consonants are considered. The main problem is the detection of archaic phoneme in the pair *r* – *l*. Thus in linguistics assumption of archaism of the phoneme *l*, based on neogrammarians hypothetical approval of the Indo-Iranian rhotacism, still widespread. According to the proposed method phoneme *r* should be considered as archaic. So root *var-* should etymologize.

Keywords: etymology; cladistic method; criteria of archaism.

References

1. Atkinson Q.D., Gray R.D. (2005) Curious parallels and curious connections – phylogenetic thinking in biology and historical linguistics // *Systematic Biology*. Vol. 54. pp. 513–526.
2. Schleicher A. (1863) *Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft* [Darwin's Theory and Linguistics]. Weimar : H. Böhlau.
3. Stamos D.N. (2002) Species, languages, and horizontal/vertical distinction // *Biology and Philosophy*. Vol. 17. pp. 171–198.
4. Wedel A.B. (2006) Exemplar models, evolution and language change // *Linguistic Review*. Vol. 23. pp. 247–274.
5. Krupa V. (1995) Genetika a lingvistika [Genetics and Linguistics] // *Jazykovedný časopis. – Linguistic journal*. Vol. 46. pp. 65–73.
6. Jenkins L. (2000) *Biolinguistics: Exploring the biology of language*. Cambridge : Cambridge University Press.
7. Oudeyer P.-Y., Kaplan F. (2007) Language evolution as a Darwinian process: computational studies // *Cognitive Processing*. Vol. 8. pp. 21–35.
8. Nelson G. (1973) «Monophyly again?» – a reply to P. D. Ashlock // *Systematic Zoology*. Vol. 22. pp. 310–312.
9. Swadesh M. (1952) Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts: with special reference to North American Indians and Eskimos // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 96. pp. 452–463.
10. Atkinson Q.D., Nicholls G., Welch D., Gray R.D. (2005) From words to dates: water into wine, mathemagic or phylogenetic inference? // *Transactions of the Philological Society*. Vol. 103. 2. pp. 193–219.
11. Starostin G. (2010) Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach // *Journal of Language Relationship*. Vol. 3. pp. 79–116.
12. Turchin P., Peiros I., Gell-Mann M. (2010) Analyzing genetic connections between languages by matching consonant classes // *Journal of Language Relationship*. Vol. 3. pp. 117–126.
13. Rexová K., Frynta D., Zrzavý J. (2003) Cladistic analysis of languages: Indo-European classification based on lexicostatistical data // *Cladistics*. Vol. 19. pp. 120–127.
14. Njeroznak V.P. (1998) Arhetip [Archetype] // *Jazykoznanije. Bol'shoj entsiklopedicheskij slovar' - Linguistics. Big encyclopedic dictionary*. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja entsiklopedija.
15. Mayrhofer M. (1996) *Etymologisches Wörterbuch des Altindoirischen* [Etymological dictionary of Old Indo-Aryan]. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, Vol. 2.
16. Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. (1984) *Indojevripejskij jazyk i indoevropajsy. Rekonstrukcija i istoriko-tipologicheskij analiz pra-jazyka i protokul'tury* [The Indo-European

- language and Indo-Europeans. Historical and typological analysis of parent language and protoculture]. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilis. Universiteta. Vol. 2. pp. 429–1328.
17. Gluhak A. (1993) *Hrvatski etimološki rječnik* [Croatian Etymological dictionary]. Zagreb: August Cesarec.
 18. Preobrazhenskij A.G. (1910-1914) *Etimologičeskij slovar' ruskogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: Tipografija G. Lissnera i D. Sobko. V. 2.
 19. Pokorny J. (1959) *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-German Etymological dictionary]. Bern, München : Francke Verlag,. Vol. 3. pp. 771–1183.
 20. Fasmer M. (1987) *Etimologičeskij slovar' ruskogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: Progress. Vol. 3
 21. Trautmann R. (1923) *Baltisch-Slavisches Wörterbuch* [Baltic-Slavic dictionary]. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht.
 22. Koleva-Zlateva Zh. (2012) Razmyshlenija o paradoksah etimologii [Thoughts on paradoxes of etymology] // *Slavica. Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis*. Vol. 41. pp. 95–105.
 23. De Jong R. (1980) Some tools for evolutionary and phylogenetic studies // *Zeitschrift fur Zoologische Systematik und Evolutionsforschung*. Vol. 18. pp. 1–23.
 24. Mazhjulij V. (1974) Sotsiolingvističeskije zametki k arhaichnomu karakteru jazyka (baltijskije jazyki) [Socio-linguistic notes on archaic nature of the language (Baltic languages)] // *Baltistica*. Vol. 10. pp. 119–127.
 25. Posdnyakov A.A. (2013) K proishozhdeniju nazvanija volka v indoevropskih jazykah [To the origins of wolf's names in the Indo-European languages] // *Acta linguistica*. Vol. 7. 1. pp. 87–97.
 26. Hennig W. (1966) *Phylogenetic systematics*. Urbana: University of Illinois Press.
 27. Bartoli M. (1925) *Introduzione alla neolinguistica: Principi, scopi, metodi* [Introduction to neolinguistics: Principles, objectives, methods]. Genève: Leo S. Olschki.
 28. Bailey H.W. (1979) *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge: Cambridge University Press.
 29. Abajev V.I. (1958) *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. Vol. 1.
 30. Anikin A.Je. (2009) *Russkij etimologičeskij slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi. Issue 3.
 31. Sevortjan E.V. (1978) *Etimologičeskij slovar' tjurkskih jazykov: Obshhetjurkskije i mezhtjurkskije osnovy na bukvu "Б"* [Etymological dictionary of the Turkic languages: All-Turkic and Inter-Turkic stems starting with "Б"]. Moscow: Nauka.
 32. Brugmann K., Delbrück B. (1897) *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen* [Outline of Comparative Grammar of the Indo-Germanic Languages]. Strassburg : Karl J. Trübner,. Vol. 1.
 33. Fraenkel E. (1965) *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [Lithuanian etymological dictionary]. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag. Vol. 2. pp. 657–1560.
 34. Anon. (1968) *Etimologičeskij slovar' ruskogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Issue 3.
 35. Beekes R. (2010) *Etymological dictionary of Greek*. Leiden, Boston : Brill,. Vol. 1.
 36. Ondruš Š. (1959) Striedanie likvid r/l v indoeurópskych jazykoch // *Jazykovedný časopis. – Linguistic Journal*. Vol. 10. pp. 112–137.
 37. Lurje S.Ja. (1957) *Jazyk i kul'tura mikenskoj Gretsii* [Language and culture of Mycenaean Greece]. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
 38. Diringer D. (1963) *Alfavit* [Alphabet]. Moscow: Izdatel'stvo inostranoj literatury.
 39. Abajev V.I. (1965) *Skifo-jevropskije izoglossy* [Scytho-European isoglosses]. Moscow: Nauka.
 40. Abajev V.I. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vladikavkaz: Ir. Vol. 2.
 41. Koleva-Zlateva Zh. (2011) *Teoretični rakursi v etimologijata* [Theoretical perspectives in etymology]. Veliko-Tyrnovo: Faber.

Received 27 February 2017